

КРОВАВЫЙ ЛЕД КРОНШТАДТА 1921 ГОД

ВЛАДИМИР ШИГИН

Матросские мятежи

Владимир Шигин

**Кровавый лед
Кронштадта. 1921 год**

«ИП Каланов»

2020

Шигин В. В.

Кровавый лед Кронштадта. 1921 год / В. В. Шигин — «ИП Каланов», 2020 — (Матросские мятежи)

Новая книга известного российского писателя-мариниста Владимира Шигина «Кровавый лед Кронштадта. 1921 год» посвящена одной из самых трагических страниц Гражданской войны – истории Кронштадтского мятежа. Именно это событие положило конец политике военного коммунизма и предопределило переход нашей страны к новой экономической политике. Кронштадт – традиционно считался главной цитаделью Октябрьской революции и ее главной движущей силы – балтийских матросов. В советское время историки много писали о моральном и политическом перерождении кронштадтских матросов к 1921 году, которые предали революцию и устроили контрреволюционный мятеж. Но так ли было на самом деле? На этот и многие другие вопросы и отвечает в своей новой книге Владимир Шигин. Автор подробно рассказывает о ситуации в Кронштадте в начале 1921 года и о самих кронштадцах, о политическом расслоении среди революционных матросов, часть из которых переметнулась на сторону партии большевиков, ушла в комиссары и чекисты, а часть осталась верна идеалам революции октября 1917 года. Эта матросская верность в революционную справедливость во многом и предопределила Кронштадтский мятеж. Автор подробно описывает весь ход событий в Кронштадте в феврале-марте 1921 года, штурмы крепости и кровавую расправу с участниками мятежа. Впервые Владимир Шигин дает и ответ на вопрос, каким же образом, большевикам., в конце концов, все же удалось переломить леворадикальные настроения балтийских матросов? Ведь не секрет, что даже после кровавой расправы в 1921 году, матросы, по-прежнему, оставались в идейной оппозиции к власти.

© Шигин В. В., 2020

© ИП Каланов, 2020

Содержание

Глава первая	7
Глава вторая	32
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Владимир Шигин

Кровавый лёд Кронштадта. 1921 год

*Летит над путями морскими,
Проходит сквозь штормы и град
Стальное короткое имя,
Как лозунг и клятва – Кронштадт.*

А. Лебедев

© Владимир Шигин

Глава первая Перед бурей

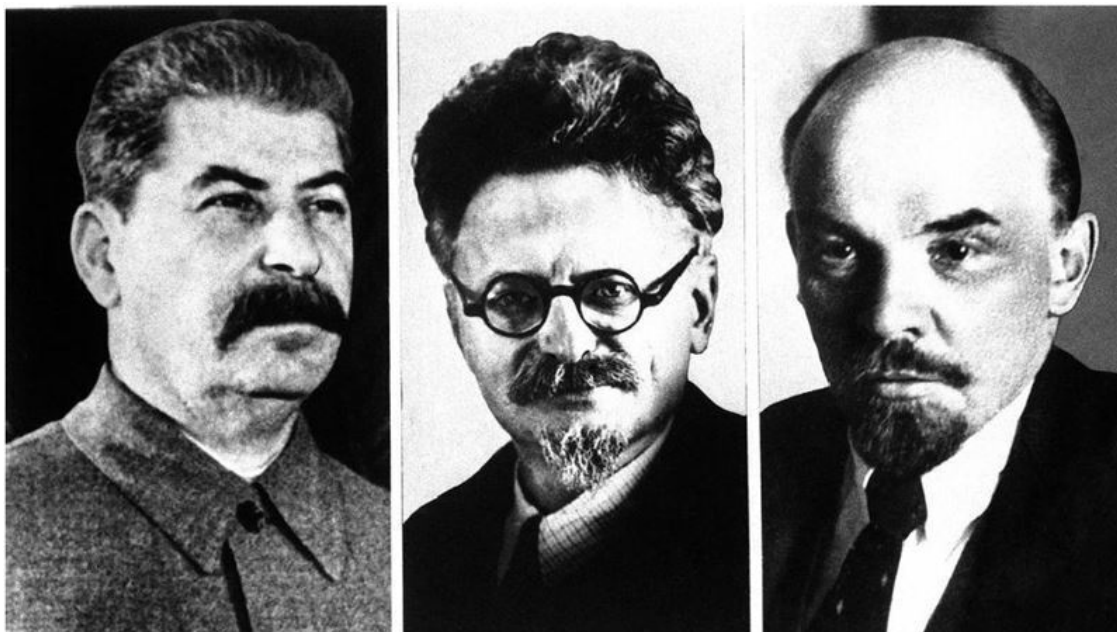
К началу 1921 года, несмотря на окончание Гражданской войны на европейской территории, внутреннее положение Советской страны оставалось чрезвычайно тяжелым. Народное хозяйство было разорено империалистической и гражданской войнами, иностранной военной интервенцией. Продукция крупной промышленности сократилась в 1920 году по сравнению с довоенным временем почти в семь раз. В критическом состоянии находилась металлургия: чугуна выплавлялось только 3 % довоенного производства, угля добывалось в три раза меньше, нефти – в два с половиной раза; производство хлопчатобумажных тканей сократилось в двадцать раз. Из-за отсутствия топлива и сырья стояло большинство предприятий. Население страны испытывало острую нужду в самых необходимых промышленных изделиях.

Резко сократилась численность рабочего класса – социальной основы пролетарской диктатуры, которая составляла меньше половины его довоенной численности. Квалифицированные рабочие из голодающих городов массами уходили в деревню, где могли хоть как-то обеспечить себя продуктами первой необходимости. Хозяйственная разруха в промышленности дополнялась усугублялась расстройством транспорта. В тяжелейшем положении оказался железнодорожный транспорт. В конце 1920 года к руководству транспортом пришел Л. Троцкий. Его авантюризм, пренебрежение к массам еще более ухудшили положение на железных дорогах. Троцким был издан приказ, согласно которому работники железных дорог были милитаризованы, а роль их профсоюзов практически сведена к нулю. Это едва ни привело зимой 1920–1921 годов железнодорожный транспорт к полной катастрофе.

К концу Гражданской войны в тяжелом положении оказалось и сельское хозяйство. Существенно сократились посевные площади и, как следствие этого, урожаи. Из-за продолжавшейся политики продразверстки (т. е. насильственного изъятия у крестьян всего их урожая), последние не были заинтересованы в итогах своего труда.

Троцкисты утверждали, что «милитаризация хозяйства» составляет магистральный путь советской экономики. Троцкистская политика пресловутого «завинчивания гаек» самым вредным образом сказалась на положении в народном хозяйстве, пагубно повлияла на моральное состояние рабочих, особенно транспортников. Красноармейцы, рабочие и крестьяне сгонялись в, так называемые, «Трудовые армии, в которых должны были трудиться за кусок хлеба.

Крайне разорено было и сельское хозяйство. За время Гражданской войны существенно сократились посевные площади и, как следствие этого, урожаи. Из-за продолжавшейся политики продразверстки (т. е. насильственного изъятия у крестьян всего их урожая), последние не были заинтересованы в итогах своего труда. Не хватало хлеба и других продуктов питания. Рабочие промышленных центров голодали. Спасаясь от голода, многие уходили в деревню. В 1920 году индустриальных рабочих в стране стало почти в два раза меньше, чем в 1913 году. Рабочий класс фактически самоликвидировался, часть его деклассировалась. Это, объективным образом, ослабляло социальную базу диктатуры пролетариата.

Сталин. Троцкий. Ленин

В начале 1921 года в стране возникли серьезные политические трудности. Сложившаяся в годы гражданской войны и интервенции военно-политическая форма союза рабочих и крестьян оказалась недостаточной в мирных условиях. Крестьяне проявляли открытое недовольство продразверсткой, которая лишала их малейшего стимула к развитию своего хозяйства. Крестьяне желали продукты своего труда продавать на рынке и зарабатывать реальные деньги. Нужна была экономическая форма союза. Но ее все еще не было. В ряде мест Тамбовской губернии Украины Дона Сибири поднялись крестьянские мятежи. На почве голода выражали недовольство и рабочие. На некоторых предприятиях дело доходило до забастовок. Требования были еще в основном экономическими, но в любой момент могли появиться и политические лозунги.

В те дни В.И. Ленин характеризовал ситуацию следующим образом: «...Мы наткнулись на большой, я полагаю, на самый большой, внутренний политический кризис Советской России. Этот внутренний кризис обнаружил недовольство не только значительной части крестьянства, но и рабочих».

Следует отметить, что уже с конца января 1921 года В.И. Ленин начал проработку новой экономической политики, имевшей целью восстановление народного хозяйства страны и улучшение материального положения населения. 8 февраля Ленин сделал для Политбюро набросок тезисов, в первом пункте которых говорилось: «Удовлетворить желание беспартийного крестьянства о замене разверстки (в смысле изъятия излишков) хлебным налогом». 17 февраля газета «Правда» начала открытую дискуссию о замене разверстки налогом. 18 февраля специальная комиссия ЦК подготовила первый проект о переходе к продовольственному налогу. Но время было уже упущено.

Политический кризис в стране отразился и на РКП(б). Среди ее членов появились шатания, прежде всего, в вопросе о роли профсоюзов в построении социалистического общества.

В ноябре 1920 года на V-й Всероссийской профсоюзной конференции руководство РКП(б) поставило вопрос об отказе от военных методов работы в профсоюзах и переходе к развернутой демократии, т. е. к выборности руководящих органов взамен кооптации и назначений, регулярности созыва собраний членов профсоюзов, отчетности выборных органов. Против развертывания демократии в профсоюзах резко выступили главные силовики Республики, во главе с наркомом по военным и морским делам Л.Д. Троцким и председателем ВЧК Ф.Э.

Дзержинским. Они добивались насаждения в профсоюзах методов командования и администрирования, и как следствие этого, полной милитаризации труда рабочих и применения военных методов руководства на производстве.

Вопрос о профсоюзах обсуждался в ЦК партии. Так как к единому мнению там, так и не пришли, ЦК решил возникшие разногласия на широкое обсуждение не выносить, а решать вопросы келейно. Однако Троцкий публично объявил от имени своей группы о несогласии с линией ЦК. Выступления Троцкого стало началом очередной фракционной войны внутри партии. Вместо того, чтобы срочно отменять политику военного коммунизма и запускать механизм действия нормальных экономических законов, вместо того, чтобы срочно заменять продразверстку натуральным налогом и разрешить свободную торговлю продуктами, руководство РКП(б) погрязло в долгой безрезультативной дискуссии, в ходе которой образовались все новые и новые оппозиционные группы со своими собственными политическими платформами: «рабочей оппозиции» (во главе со Шляпниковым), «демократического централизма» (во главе с Сапроновым), «буферной» (во главе с Бухариным).

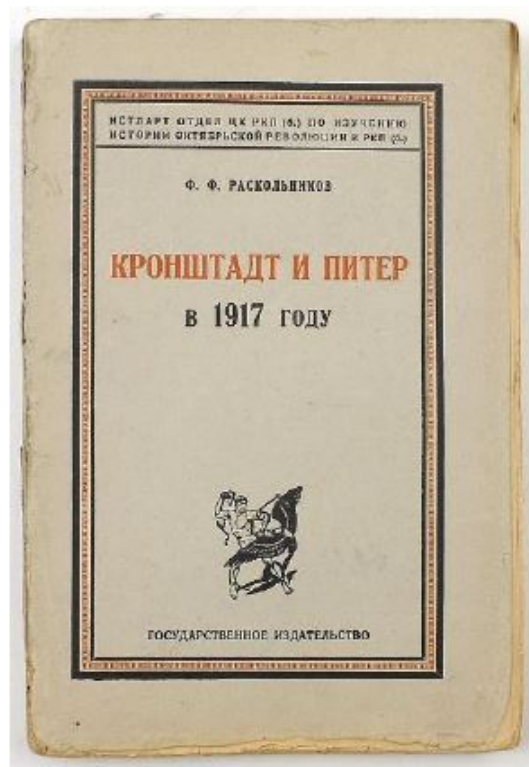
В январе 1921 года очередной пленум ЦК РКП(б) осудил публичное выступление Троцкого. Решено было начать новую дискуссию и признать допустимым выборы делегатов на X съезд РКП (б) не в целом от партии, а по отдельным политическим платформам. Фактически РКП(б) оказалась на грани раскола. Окончательную точку в начавшемся размежевании большевиков должен был вынести X-й съезд ВКП(б). Естественно, каждая из группировок должна была провести агитационную работу перед съездом, чем они активно и занимались, начиная с осени 1920 года.

Одним из первых мест, куда Троцкий отправился в свою агитпоездку, стал Кронштадт. Мнение балтийских моряков значило еще очень много и нарком по военным и морским делам решил заручиться поддержкой «братвы». Но поездка не удалась, матросы потребовали отмены военного коммунизма и отказались поддержать и освистали Троцкого с его планами по дальнейшей милитаризации страны. Будучи выходцами из крестьянской среды и не утратившие связь с ней, матросы были возмущены позицией большевистских лидеров, не собиравшихся отказываться от продразверстки, которая фактически обрекала на голодную смерть целые губернии. Если во время Гражданской войны продразверстка воспринималась матросами как временная вынужденная мера (матросы сами изымали хлеб в составе продотрядов), то теперь, после ее окончания, матросы требовали оставить крестьян в покое – дать им возможность выращивать хлеб и им торговать.

Оскорбленный плохим приемом в Кронштадте, Троцкий решил наказать несознательных матросов, назначив командующим Морскими силами Балтийского моря своего любимца – известного демагога и троцкиста бывшего мичмана Ф.Ф. Раскольников (Ильина), не пользовавшегося авторитетом на Балтике. Его надменная манера поведения, пристрасти к роскоши, слабые профессиональные знания привели к резкому росту на флоте недовольства большевиками. При этом Раскольников занимался, прежде всего, фракционной деятельностью на стороне Троцкого, активно выступал против ленинской линии и в дискуссии о профсоюзах, но дела флота пустил на самотек. Поэтому совершенно не удивительно, что к январю 1921 года флот фактически перестал подчиняться своему командующему. Любое появление Раскольникова с встречалось матросами улюлюканьем и отборным матом. Матросы не без оснований считали Раскольникова трусом за сдачу в 1919 году без боя англичанам эсминца «Спартак». В ответ Раскольников платил матросам той же монетой «Матросов Раскольников считал людьми второго сорта, – писал председатель Кронштадтского отдела трибунала Балтийского флота Ассар. – Моряки голодали, а командующий Балтфлотом с женой жили в роскошном особняке, держали прислугу, ели деликатесы и ни в чем себе не отказывали».

С собой на флот Раскольников притащил и друзей-троцкистов: Э.И. Батиса и начальника штаба бывшего старшего лейтенанта В.А. Кукеля. Отметилась и жена Раскольникова

Лариса Рейснер, занявшая несколько должностей в штабе флота, отличавшаяся роскошью одежды и роскошной жизнью. Более того, должность начальник Политуправления Балтийского флота занимал его тесть – врач-гинеколог М. А. Рейснер, пытавшийся приобщать матросов... к итальянской живописи и греческой скульптуре, да печатал в типографиях Побалта статьи и речи Троцкого. Матросам было с высокой колокольни плевать на Фодия с Караваджо. Их волновали вопросы земли и продналога, судьбы родных и реалии революционной демократии.

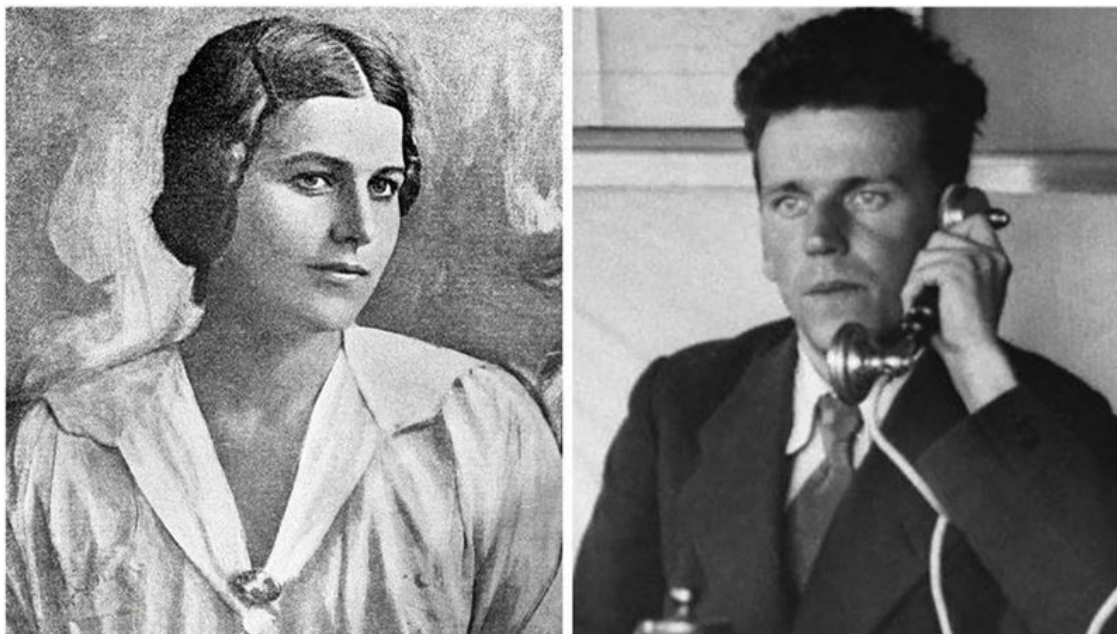
«Кронштадт и Питер в 1917 году» Ф.Ф. Раскольников

В конце концов, даже Л.Д. Троцкий понял, что Раскольникову надо срочно убирать иначе все кончится очень плохо. 28 января 1921 временно исполняющим делами командующего флотом был назначен бывший черноморец В.А. Кукель, но и он никакого авторитета среди балтийских матросов не имел.

Из сообщения комиссара линейного корабля «Гангут»: «В то время, когда флот голодал, когда флот в буквальном смысле жил на капустных листьях, в это время штаб флота, который прибыл с востока (Ф.Ф. Раскольников прибыл с Волжской флотилии – В.Ш.), питался прекрасно, готовил обед из трех блюд и делал это совершенно открыто на глазах флотских масс, как бы рекламируя полное благосостояние. Это создавало известную базу недовольства... и те, кто был во флоте, помнят, что одно название «штаб» вызывало злобу не только у низов, но даже у партийных организаций».

Ф.Ф. Раскольников и его супруга известная революционерка и поэтесса Лариса Рейснер ни в чем себе не отказывали: катались в роскошных автомобилях, еду заказывала в лучших ресторанах, а продукты брали с закрытых складов. Жили новые руководители Балтфлота в апартаментах бывшего военного министра адмирала Григоровича в Адмиралтействе. По воспоминаниям поэта В. Рождественского, их комната была забита волжскими трофеями: статуэтками будд, экзотическими тканями, бесчисленными флаконами духов и английскими книгами. И среди этого варварского великолепия – сама Лариса, в расшитом золотом халате, и над нею, на стене – наган и старый гардемаринский плащ... По Питеру и Кронштадту ходили упорные

слухи, что Л. Рейснер ежедневно принимает ванны с шампанским. Такое поведение Раскольникова и Рейснер вызывало законное возмущение матросов, которые, видя проносившиеся мимо них в шикарных авто с новыми хозяевами жизни воочию убеждались, что с зажавшимися большевистскими начальничками им не по пути.

Лариса Рейснер и Фёдор Раскольников

Следует отметить, что Ф.Ф. Раскольников демонстративно манкировал своими обязанностями, занимаясь в перерывах между пьянками, распространению идей троцкизма. Фактически он сознательно подрывал позиции лидеров большевиков. В этом ему активно помогли супруга Л.М. Рейснер и ее отец – троцкист-гинеколог М.А. Рейснер. Единственно, что удалось верному троцкисту Ф.Ф. Раскольникову, находясь на посту командующего Морскими силами Балтийского моря, так это втянуть кронштадтскую большевистскую организацию (численностью около 1,5 тысяч членов) в «дискуссию о профсоюзах». 10 января 1921 года в Кронштадте состоялась дискуссия партийного актива. Платформу Троцкого поддерживал, разумеется, сам Раскольников, платформу Ленина – комиссар Балтийского флота Кузьмин. Через три дня состоялось общее собрание кронштадтских коммунистов с той же повесткой. На собрании немногочисленные сторонники Троцкого потерпели полное поражение, матросы требовали не милитаризации, а демократизации общества!

Вскоре матросы фактически отказались выполнять распоряжения Раскольникова и потребовали его немедленной отставки. В январе 1921 года Троцкий, поняв свою ошибку, убирает любимца от греха подальше послом в Афганистан.

Вместо Ф.Ф. Раскольникова, во главе Морских сил Балтийского моря был временно назначен его приверженец В.А. Кукель. Так как в 1918 году Кукель, как и Раскольников, был одним из самых ярких сторонников самоуничтожения Черноморского флота в Новороссийске, он авторитетом у матросов не пользовался. Разумеется, что проведенная Троцким рокировка командующих Морскими силами Балтийского моря, не могла никоим образом изменить настроение матросской массы.

* * *

С начала 1921 года, из-за нехватки топлива, в Петрограде были остановлены все предприятия, а голодные рабочие устраивали демонстрации с требованием увеличить нормы выдачи хлеба. На многих предприятиях началась, так называемая «волынка» стихийные забастовки. Так, к 25 февраля возникла «волынка» на Обуховском заводе, заводе Розенкранца, Экспедиции заготовления государственных бумаг, кондитерской фабрике «Жорж Борман», Невской бумагопрядильной, некоторых мастерских Путиловского завода. Дело доходило до уличных беспорядков. Рабочие требовали улучшения условий жизни и прекращения политики «военного коммунизма». 11 февраля 1921 года Петросовет вынес решение: закрыть до 1 марта 93 предприятия. Характерная деталь: заседание Совета заканчивалось в темноте, из-за отключения электричества. На февральском пленуме Петросовета впервые публично прозвучало и слово Кронштадта. Представитель линкоров «Петропавловск» и «Севастополь», матрос Гаевский, выступил резким с осуждением действий властей против петроградских рабочих и заявил о солидарности с рабочими кронштадтских матросов. В отличие от него, выступивший начальника политотдела Балтфлота Н. Кузьмина, пытался заверить членов Совета, что «моряки остались такими же верными революции, какими они были всегда». Однако прозвучало это не слишком убедительно.

К середине февраля 1921 года к рабочим присоединились матросы Петроградского гарнизона, а экономические лозунги переросли в политические. Демонстранты провозгласили Третью революцию, требовали устроить перевыборы Советов с участием всех политических партий, фактически призывая к отстранению от власти РКП(б). Беспорядки были настолько сильны, что в Петрограде пришлось ввести чрезвычайное положение. В город было срочно завезено некоторое количество продовольствия и введены отряды ЧОНа. Петроградский комитет РКП(б) ввел в городе военное положение, рабочие зачинщики были арестованы. Волнения быстро подавили, но ситуация оставалась напряженной. 23 февраля остановилась работа на одном из крупнейших предприятий Петрограда заводе «Арсенал». Закрытие многочисленных предприятий крупнейшего индустриального центра Советской России было делом чрезвычайным. Следует отметить также слабость тогдашнего политического руководства Петрограда, возглавляемого Г. Зиновьевым, которое отличалось сепаратистскими настроениями и саботажем директив центральных органов Советского государства. Г. Зиновьев фактически противопоставлял Петроград центру. На этом фоне в Петрограде резко активизировались меньшевики, левые эсеры и анархисты, а также различные контрреволюционные группы.

28 февраля 1921 г. Совет Труда и Оборона распорядился срочно выделить 10 миллионов рублей золотом «для улучшений снабжения нуждающихся рабочих продовольствием и предметами первой необходимости» и закупить соответствующие товары за границей. Была организована доставка в Петроград американского угля, поступавшего в Мурманск и т. д.

В последние дни февраля в Кронштадт пришли вести, что в Петрограде начались массовые забастовки и демонстрации. В Кронштадте это вызвало большой интерес, ведь именно так четыре года назад начиналась Февральская революция. Чтобы выяснить причины волнений и требования рабочих, кронштадтцы отправили в Петроград делегацию. Обрато делегаты вернулись уверенные в том, что Петроград стоит на пороге новой антибольшевистской революции.

Разнообразная оппозиция, прежде всего, меньшевики и эсеры тоже не теряли времени даром. Так, лидер меньшевиков Ф.И. Дан находился в начале 1921 года в Петрограде. Через год уже, в эмиграции, он сказал в интервью: «В конце февраля в Петрограде возникло забастовочное движение, причем петроградская организация нашей партии содействовала организации рабочего движения и распространяла ленточки и воззвания, которые в силу условий печатались в Стокгольме».

* * *

Официально советская власть не притесняла флот. Но лояльное отношение власти являлось прикрытием скрытого давления. К концу 1920 года многие видные советские и партийные работники, во главе с В.И. Лениным, стали смотреть на флот, как на абсолютно никому не нужную организацию. Перемену в отношении властей к флоту матросы почувствовали сразу же.

Следует отметить, что руководство РКП(б), по мере сил, все же стремилось заниматься Балтийским флотом, чтобы держать излишне политизированных и взбалмошных матросов в узде. Кое-что делалось, но для кардинального улучшения ситуации на Балтфлоте не было ни сил, ни средств. Следует сказать, что большевистское руководство всегда стремилось переломить анархистский дух балтийских матросов и подчинить их себе. Для этого использовались все возможные методы, от организационных до воспитательных и пропагандистских, а позднее и репрессивных. Но в матросах Советская власть нуждалась в течение всей Гражданской войны. Поэтому бывало и так, что одной рукой Советская власть давала матросам «вольную». В частности, объявляла о массовой демобилизации, а другой, стремилась заставить их остаться на флоте. Так в начале августа 1918 года главный комиссар Балтийского флота докладывал руководству РККФ: «Во флоте огромная нужда в специалистах... Приток их слаб до чрезвычайности... Считаю настоятельно необходимым просить вашего приказа о мобилизации, хотя бы частично, и о принудительном оставлении на флоте на определенный срок». Поэтому, прежде всего, старались, чтобы матросы приняли идеологию партии большевиков. Например, весной 1919 года, командующий Морскими силами Балтийского моря В.М. Альтфатер, по инициативе Реввоенсовета, обратился в Совнарком с докладом, в котором поддерживалось ходатайство РВС Балтийского флота об открытии двухмесячных курсов морских комиссаров. Перед курсами ставилась задача поднять уровень военно-морских познаний комиссаров, чтобы они могли и в «оперативной области говорить с командным составом на одном языке и тем самым согласовать работу командиров и комиссаров в вопросах оперативного и технического характера». Это предложение было одобрено правительством, 5 апреля 1919 года В.И. Ленин подписал постановление Совнаркома об отпуске необходимых средств на содержание двухмесячных курсов морских комиссаров, курсы комиссаров Балтийского флота были открыты при Морской академии. В октябре 1919 г. руководство Наркомата по морским делам обратилось в Совнарком с ходатайством о возобновлении работы курсов политкомиссаров флота после окончания кампании на Балтике. Курсы политкомиссаров вновь открылись в декабре 1919 года. На них было зачислено 185 человек, в том числе такие матросы-большевики РККФ, как Ф.С. Аверичкин, П.П. Волин, П.И. Курков, Р.К. Кронберг, Н.М. Разин и др. При этом обучение матросов, обладавших большим практическим опытом, но не имевших достаточной общеобразовательной подготовки, представляло большие трудности.

Следует отговориться сразу, что, встречающееся порой утверждение, будто кронштадцы были недовольны Советской властью из-за неких меркантильных соображений (плохого снабжения и т. д.) не соответствует действительности. Кронштадтские матросы, разумеется, не были ангелами, но великое дело революции они никогда не мешали с личным. Ради ее победы они готовы были терпеть и переносить все мыслимые невзгоды, без страха принося на алтарь революции и свои жизни. К тому же, паек моряков был в два раза больше, чем у питерских рабочих, они получали в день по 1,5–2 фунта хлеба (1 фунт приблизительно равен 400 г.), четверть фунта мяса, четверть фунта рыбы, четверть – крупы, 60 – 80 гр. сахара. Для сравнения питерские рабочие получали в день 225 гр. хлеба, 7 гр. мяса или рыбы и всего 10 гр. сахара. Интересно помещенное в газете тех дней высказывание одного из кронштадтских матросов: «Большевики заморили массу народа голодом. Во всех государствах дают солдатам масло (указывалось на Эстонию), но у нас и этого нет». Заметим, что матрос возмущается общей ситу-

ацией голода в стране, а также тем, что голодают солдаты-красноармейцы. О собственных проблемах кронштадтский матрос не говорит ничего. Именно так рассуждала тогда основная масса матросов.

Силу и значение Кронштадта руководство РКП(б) всегда прекрасно понимала, никогда о нем не забывая. Да и сами кронштадцы забыть о себе не давали никому. После переезда Совнаркома в Москву, руководители партии большевиков, при каждом посещении Петрограда, в обязательном порядке приезжали в Кронштадт, чтобы засвидетельствовать там свое внимание и почтение. Это стало настоящим ритуалом. Так секретарь ЦК РКП (б), председатель ВЦИК Я.М. Свердлов, выступая в Петроградском клубе моряков в ноябре 1918 года, выразил уверенность, что «моряки Балтийского флота по примеру своей постоянной революционной деятельности будут с той же энергией продолжать новое строительство нового социалистического строя». М.И. Калинин, прибывший в декабре 1919 года в Петроград для вручения городу ордена Красного Знамени, не преминул посетить Кронштадт, где выступил на многотысячном митинге гарнизона крепости. «...Кронштадт, говорил Калинин, – особенно ненавистен мировой контрреволюции. Кронштадт – ключ Петрограда... И поэтому вполне естественно, что каждый рабочий, каждый красноармеец, каждый матрос должен постоянно чувствовать и думать, что они здесь находятся на самом почетном и вместе с тем на самом ответственном посту российской революции». Побывав в 1919 году в Питере, встречался с матросами и В.И. Ленин. 23 октября 1920 года Ленин вынес вопрос о защите морских границ на заседание Совета Труда и Оборона, где было принято его предложение о форсировании работ по восстановлению Балтийского флота.

М.И. Калинин

Однако, к этому времени воспитательно-пропагандистские вояжи большевистских руководителей и кабинетные планы на матросов особого впечатления не производили. Это в далеком 1917 году матросов можно было очаровывать на митингах пламенными речами, в конце же 1920 года матросы революции верили уже только конкретным делам. Таким конкретным делом, которое могло в один момент снять все возникшее напряжение в настроениях кронштадцев, могла быть отмена ненавистой продразверстки, но, поглощенные внутренними разборками и бесконечными дискуссиями большевики, затягивали это решение, дождавшись, когда весь накопившийся негатив вырвется наружу.

В конце 1918 года комиссия Реввоенсовета республики провела проверку Балтийского флота. Выводы проверки были самыми удручающими, т. к. вскрылись серьезные просчеты в комплектовании и учете личного состава, организации службы и боевой подготовки, на кораблях и в частях не было четкого разграничения функций между командным составом и различными выборными организациями. Впрочем, ни для кого это не было новостью, т. к. с момента Февральской революции, командиры не обладали никакими реальными дисциплинарными правами, их полностью подменяли судовые комитеты и общие собрания. При этом судовые комитеты активно вмешивались во все, вплоть до того, что самостоятельно комплектовали команды без санкции вышестоящих инстанций – кого хотели, брали к себе на корабль, кого не хотели – выгоняли. В своих выводах комиссия констатировала, что уровень организации

Балтфлота отстал от уровня, достигнутого в армии, и находится в стадии «разрушения» старых форм, а не созидания новых.

По итогам проверки Реввоенсовет Республики предложил Революционному Совету Балтийского флота обеспечить соответствие организации флота принципам, на основе которых строилась регулярная РККА. По аналогии с Красной армией отныне вся власть на кораблях, в частях и соединениях Балтфлота должна принадлежать командиру и комиссару, а не главенствующим с 1917 года судовым комитетам. Теперь же никакой судком не был вправе затруднять работу командиров и комиссаров и «вносить многовластие в управление». Реввоенсовету флота предлагалось в недельный срок назначить комиссаров на все корабли и части (до этого комиссары были лишь на действующих кораблях), отменить практику выборов комиссарского состава, упразднить все судовые комитеты, ликвидировать бюро найма и учета моряков с передачей его функций штабу флота, произвести точный учет всего личного состава. Надо ли говорить. Что отказ от главного революционного завоевания матросов – от судкомов, был воспринят большинством «братвы», как измена большевиков делу революции и возвращение к старым царским порядкам. На этой почве началось противостояние основной матросской массы с членами судовых большевистских организаций, которые, в силу партийной дисциплины, должны были всемерно поддерживать комиссаров и командиров.

А наступление на матросскую демократию продолжалось. Приказом по РККФ от 5 февраля 1919 года был образован Политотдел Балтийского флота. Из приказа: ««В целях руководства всей политической жизнью Балтийского флота, постоянного над ней контроля, усиления и укрепления революционной дисциплины и боевых качеств личного состава флота, а также для централизации, объединения и повышения уровня агитационно-просветительской работы на флоте при Революционном совете Балтийского флота учреждается Политический отдел Балтийского флота. . . » В Положении о политотделе указывалось, что он направляет всю политическую жизнь флота, содействует укреплению рядов партии и организации во всех частях ячеек РКП (б), поддерживает постоянные связи с местными и вышестоящими партийными органами, возглавляет агитационно-пропагандистскую и культурно-просветительную работу. 22 февраля 1919 года было создано политическое отделение Кронштадтской военно-морской базы, возглавившее руководство партийно-политической работой и крепости и на базировавшихся в Кронштадте кораблях. Теперь о демократических временах, когда флотом управлял никому не подчиненный знаменитый Центробалт, (избранный самими матросами и поэтому отчетный только им) можно было только вспоминать. . .

Деятельность нововведенных политорганов была направлена на повышение боеспособности кораблей и частей, укрепление дисциплины, идейно-политическое воспитание моряков, сплоченно их вокруг РКП(б). С созданием политорганов значительно усилилась работа по укреплению партийных организаций. Если в октябре 1918 года на Балтийском флоте было 1300 членов партии и сочувствующих, то к VIII съезду РКП (б) численность партийных организаций возросла до 3500 человек. Наибольший рост партийных рядов на флоте происходил в ходе, т. н. «партийных недель», которые начали проводиться с осени 1919 года. Во время первой «партийной недели» на Балтийском флоте в августе 1919 ода. в партию вступили более 4 тысяч матросов. За три месяца, с октября 1919 года по 1 января 1920 года, численность партийных организаций Кронштадта увеличилась с 1774 до 4745 членов партии. Однако радоваться резкому увеличению числа большевиков среди матросов было рано. Стоило большевикам в чем-то матросов ущемить, как они с той же легкостью массово покидали ряды РКП(б).

Лавр Георгиевич Корнилов

Если вернуться в далекий уже 1917 год, то тогда матросская масса в своем подавляющем большинстве всегда выступала единым фронтом. Это был настоящий феномен единства и братства. С первых дней Февральской революции матросы дружно взялись за демократизацию флота, так как они ее понимали с убийствами адмиралов и офицеров, пьянством и разгулом. Столь же дружно они выступали затем против непонравившегося им Временного правительства, распропагандировали войска Корнилова, протянули руку большевикам и помогли им в октябре 1917 года взять власть в Петрограде, после чего защитили его от войск генерала Краснова. Затем именно матросы дружно двинулись устанавливать советскую власть по городам и весям необъятной России.

Первыми они вступили в бой с вооруженными силами внутренней, а потом и внешней контрреволюции. Однако затем в постепенно в ходе Гражданской войны среди матросов началось размежевание. Если в начале 1918 года они представляли в общем-то достаточно однородную массу самого левацкого толка, не терпящую над собой никакой власти, то чем дальше шло время, ситуация менялась. Что касается оказавшихся на фронтах матросов, то среди них произошло естественное постепенное расслоение. Часть матросов, оставшаяся верной идеалам 1917 года, своим леворадикальным анархистским и левозэсеровским лозунгам, постепенно объективно оказалась в лагере противников Советской власти, в повстанческих отрядах левого толка или вообще в откровенных бандах. Другая часть матросов к концу Гражданской войны, постепенно переродилась (наиболее классический пример тому – П.Е. Дыбенко), отеклась от

радикальных взглядов и понятий, трезво рассудив, что время матросской вольницы уже прошло и теперь следует обустроиваться в структурах советской власти. Командовать дивизиями и армиями матросы не умели. Поэтому им нашли другое применение. Матросами-большевиками (а на первом этапе и не только большевиками) интенсивно комплектовали карательные отряды и отделы ВЧК. Как каратели, матросы, в своем большинстве, все же значительно уступали в жестокости (все же русские люди!) китайцам, венграм и другими «интернационалистами». Что же касается ВЧК, то там матросам пришлось выдерживать серьезную конкуренцию с «приватизировавшими» ВЧК этническими группировками, в первую очередь, с евреями и латышами. Именно поэтому, пройдя через кровавую мясорубку ВЧК, многие из них, под любыми предложениями, затем уходили оттуда. Кто-то не выдерживал крови, а кто-то понимал, что, учитывая семейственность евреев и латышей, сделать ему карьеру в ЧК будет сложно.

После потери Гельсингфорса, Ревеля, утраты флота в Севастополе, единственным форпостом «классического» матросской революционности в годы Гражданской войны оставался Кронштадт. Несмотря на все усилия советского руководства перевоспитать «Кронштадтскую республику», у него ничего не получалось. Кронштадт, по-прежнему, оставался гарантом чистоты матросского радикализма, хранителем леворадикальных матросских традиций 1917 года.

Нельзя сказать, что власть ничего не делала, чтобы изменить эту ситуацию. Постоянное формирование матросских отрядов и отправка их на фронты Республики, помимо чисто военной необходимости, одновременно являлось и зачисткой Кронштадта от наиболее беспокойного элемента, с его последующей утилизацией, как бы цинично это не звучало!

Но вот парадокс! Уход на фронты большого количества старых матросов (а уходили сражаться, как правило, самые радикальные и активные), вопреки надеждам большевиков, так не сделал оставшихся более послушными и терпимыми к власти. Дело в том, что каждое новое мобилизационное пополнение, прибывая в Кронштадт, быстро проходило там «революционные университеты». И уже через несколько месяцев вчерашние крестьянские парни по своим революционным убеждениям ничем не отличались от старших товарищей. Кронштадт, по своей сути, превратился в огромный плавильный котел, переплавляющий умы вчерашних крестьян и рабочих, которые вместе с тельняшкой обретали и новую для себя особую матросскую мораль.

Павел Дыбенко и Александр Седякин после митинга спускаются с линкора "Севастополь"

Разумеется, с каждым новым призывом, в силу объективных обстоятельств, уровень технической и военно-морской подготовки молодых матросов падал. Но свои пробелы в знании морского дела недоученная матросская молодежь с лихвой компенсировала почти фанатичной верой в свою особую матросскую исключительность и революционную избранность. Поэтому, видя стремительное перерождение большевистских чиновников (Раскольников, Рейснер и многие иные), полное пренебрежение большевистского руководства нуждами рабочих и крестьян (закрытие заводов и продолжение продразверстки) «альбатросы революции» вполне логично воспринимали это, как откровенное предательство идеалов революции. Более того, кронштадтские матросы очень остро ощущали свою личную ответственность за судьбу революции, ведь именно они обеспечили ее победу, именно они, ценой огромных жертв, защищали ее на фронтах Гражданской войны! Поэтому возмущение матросов происходящим и их желание положить конец большевистской вседозволенности, было вполне справедливым и ожидаемым.

Следует отметить, что в 1918–1920 годах большинство молодых матросов, после недолгого пребывания в учебных отрядах, сразу же уходили воевать на бесчисленные фронты Гражданской войны, т. к. толку от них на кораблях, в силу слабой профессиональной подготовки, было немного. Поэтому в 1921 году основную часть команд на боеспособных кораблях, по-прежнему, составляли старослужащие матросы 1912–1914 годов призыва. Учитывая, что в царское время призывали на флот, как правило, в возрасте 22 лет (П.Е. Дыбенко, например, был призван в 24 года), к 1921 году призывникам 1912 года было уже более 30, т. е. это были уже вполне взрослые мужчины, а не восторженные юнцы. При этом, отслужив 9-10 лет, все они знали не только свое дело, но и цену себе. При этом все они непосредственно участвовали в первой мировой войне, Февральской революции. Противостоянии с Временным правительством, подавлении Корниловского мятежа, в Октябрьской революции, установлении советской власти в регионах России, в боях с внешней и внутренней контрреволюцией, неоднократно

участвовали в одних мятежах и в подавлении других, прошли школу атаманов Махно и Григорьева. А также бесчисленные анархические группировки. Все они прекрасно помнили, что именно благодаря им в октябре 1917 года большевики смогли прийти к власти. Поэтому они относились к большевикам как к равным, а порой и смотрели на них свысока. И в этом у матросов была своя правда: они от большевиков никаких выгод не получили, зато те от союза с матросами получили все!

По этой причине, несмотря на внешнюю подчиненность Кронштадта Москве, никто из представителей большевистской власти до февраля 1921 года не мог чувствовать себя спокойно. Представителям центра и комиссарам приходилось непрерывно лавировать, чтобы не спровоцировать своенравных кронштадцев на выступление против власти, что в условиях Гражданской войны было бы смерти подобно. Если провести аналогию с кипящим котлом, то большевикам периодически удавалось снижать давление пара, путем отправки самых нетерпеливых матросских пассионариев по фронтам, но полностью погасить «кронштадтский огонь» они так и не смогли. Объективно говоря, это было в тех условиях вообще невозможно. Более того, руководство большевиков прекрасно понимало, что с окончанием боевых действий, в Кронштадт начнет массово возвращаться с фронтов старая гвардия, имеющая и боевой опыт, и непререкаемый авторитет. Какую позицию займут «годки от революции» по отношению к Советской власти и к чему они призовут «Кронштадтскую республику» не знал никто. По этой причине, руководство большевиков серьезно волновал вопрос: что делать с Кронштадтом дальше, когда закончится Гражданская война? Бесконечно терпеть капризы матросов было нельзя, но и первыми начинать с ними войну тоже было опасно.

Плакат анархистов

В возникшей зимой-весной 1921 года политической ситуации в Кронштадте с особой силой проявилась и свойственная революционным матросам радикальная левизна. Совершенно не случайно кронштадтцы назовут свое выступление, ни мятежом (как это выступление заклеймят большевики), не восстанием (как будут именовать их выступление более умеренные историки, а «третьей революцией». Они действительно были уверены, что, начав первую (Февральскую) и обеспечив победу второй (Октябрьской), начинают третью (Мартовскую) революцию, которая, свергнув большевистскую диктатуру создаст условия для реально демократического социалистического общества.

Российские анархисты (и соответственно многочисленные анархисты-матросы) отличались от всех прочих радикальных группировок своим непримиримым отрицанием любой формы государства. Они хранили верность словам Бакунина, что любое правительство, кто бы его ни контролировал, является инструментом насилия. Этот приговор относился и к «диктатуре пролетариата», хотя это был основной принцип их союзников-большевиков. «Где начинается власть, – восклицала анархистская газета «Голос труда», – там кончается революция!»

Следует отметить, что анархисты пропагандировали лозунг неизбежности «третьей революцией» в матросских кругах чуть ли не сразу после Октября, он был на повестке дня у матрос-

ского отряда Д.И. Попова в период левоэсеровского мятежа 6–7 июля 1918 года, его полностью восприняли от махновцев призывники с Украины и матросы, переведенные с Черноморского флота, а также, прошедшие Гражданскую войну, старослужащие матросы. Как первый шаг к Третьей Социальной Революции и «первую совершенно независимую попытку народных масс освободиться от ярма и осуществить Социальную Революцию» рассматривал Кронштадское восстание известный теоретик русского анархизма В.М. Волин.

В анархистских кругах Петрограда и Кронштадта давно и открыто говорили о «третьем и последнем этапе революции», о конечной схватке между «социал-демократической властью и творческим духом масс... между последователями марксизма и анархизма... между либертарианской и авторитарной системами». Кронштадтские матросы не скрывали, что, «если новый Совнарком осмелится предать революцию, пушки, которые взяли Зимний дворец, столь же легко возьмут и Смольный (штаб-квартиру большевистского руководства в Питере)».

Моряки с линкора «Петропавловск» в 1917 году

Анархисты Кронштадта, выпускали собственный журнал «Вольный Кронштадт». Из передовицы журнала: «Просыпайтесь! Просыпайся, человечество! Рассей тот кошмар, что окружает тебя... Положи конец дурацкому поклонению земным и небесным богам! Скажи: «Хватит! Я встаю! И вы обретете свободу! Да здравствует анархия! Пусть трепещут паразиты, властители и попы – все сплошь обманщики!» С осени 1920 года в Кронштадте, на почве роста антибольшевизма, начали активизироваться не только анархисты-коммунисты и анархисты-синдикалисты, во главе с Х.З. Ярчуком, но и анархисты-экстремисты. Так в прокламации, обнаруженной на линкоре «Петропавловск» в декабре 1920 года, радикальные анархисты открыто призывали матросов к новому революционному террору и новой социальной революции, так как «революция октябрьская – большевистская, не ваша». Такой экстремизм не был одобрен кронштадтцами, но критика анархистами власти, как и в 1917 году, находила отзвук среди них. На митинге экипажей линкоров «Петропавловска» и «Севастополя» 28 февраля 1921 года был принят проект резолюции, выработанный именно анархистом Вейсгинтером. В

этой резолюции предлагалось приступить к перевыборам советов с включением в их состав только левых эсеров и анархистов.

Говоря о предпосылках Кронштадтского восстания известный военно-морской историк М.А. Елизаров пишет: «Конечно, на Кронштадтском восстании отразился, прежде всего, весь комплекс причин махновского движения как крестьянского».

Степан Петриченко среди русских эмигрантов в Финляндии в 1921 году

Так, В.М. Волин отмечал «принципиальное сходство идей и деятельности крестьян-махновцев с идеями и деятельностью восставших в 1921 году кронштадтцев». Все исследователи подчёркивают наличие в Кронштадте призывников из «махновских» районов. Их численность на момент Кронштадтского восстания на всём Балтийском флоте Э.И. Батис определял до 10–15 тысяч, в Кронштадтской крепости – Г.Е. Зиновьев в одном случае называл 7 тысяч человек, в другом – несколько тысяч, есть авторы, называющие 10 тысяч для Кронштадта. Очевидно, в любом случае правы те авторы, которые считают их большинством Кронштадтского гарнизона. Важно было также то, что столица «Махновии» Гуляй-Поле, как выше отмечалось, находилась в сравнительной близости от главной базы Красного флота в 1920 году на Черном море Мариуполя (имевшего тесную связь с Кронштадтом через посылавшихся туда с Балтики специалистов и сражавшийся рядом Кронштадтский полк), а также то, что С.М. Петриченко имел родственников в «махновских» районах.

Летом 1920 году он находился там в отпуске и по возвращении высказывал симпатии к махновским идеям. Украинские призывники в целом служили в соответствии с революционными традициями балтийцев, причем особенно в Кронштадте. Но, конечно, их «менталитет», рекрутировавший из них «клешников», по целому ряду моментов расходился с кронштадтским и это накладывало большой отпечаток на обстановку в крепости. Они были склонны к «стихийному анархизму», в то время как местные кронштадтцы – к идейному. Их, как крестьян, прежде всего, интересовала экономическая свобода, кронштадтцев – политическая.

Кронштадтцы давно были приучены к порядку и дисциплине, украинские призывники нередко являлись бывшими дезертирами и дезертировали в Кронштадте, не возвращаясь из отпусков. На Украине был распространен антисемитизм, в Кронштадте многие революционные вожаки ещё с февраля 1917 г. были евреями. Призывники с «махновских» районов продолжали непримиримо относиться к бывшим офицерам, в Кронштадте давно извлекли уроки из февральско-мартовских самосудов 1917 году. Комиссары и политработники на Балтийском флоте длительное время проводили по отношению к украинским призывникам крайне неразумную политику, стремясь без учета «украинского менталитета», непримиримой «голой» революционной пропагандой, вписать их в ряды дисциплинированных «славных балтийцев». Причем, чем больше некоторые из них сталкивались с неэффективностью такой политики, тем больше они настаивали на ней, стремясь переломить ситуацию. Флотские политработники, руководствуясь теорией о «двух антагонистических классах», изначально отказывали маховскому движению в наличии политических целей и считали его «бандитским». Поэтому газета Красный Балтийский флот всего через два месяца, после того как Н.И. Махно был союзником Красной Армии в кровопролитных боях с П.П. Врангелем, писала в передовой о нём, как о «горе-анархисте», «отрыжке международной реакции», «бандите с большой дороги, со своей шайкой, терроризирующей население, прикрывая свои злодеяния фиговым листком красивых лозунгов». Представляется, что такие статьи не укрепляли дисциплину, а прямо провоцировали восстание».

* * *

Что же представлял собой гарнизон «Кракова» (именно так именовали между собой Кронштадт революционные матросы) и каким было настроение кронштадцев в начале 1921 года?

Следует сказать и то, что к 1921 году военно-морской флот вообще стал непомерной обузой для истощенной Гражданской войной Советской республики. Подавляющее количество кораблей находилось в небоеспособном состоянии и имели ценность, разве что, как металлолом. Зато количество матросов по сравнению с 1914 годом увеличилось более чем в четыре раза. Поэтому большая часть матросов находилась на берегу во флотских экипажах и реальной службой не занимались. Да во время Гражданской войны они были необходимы как высококачественный резерв для пополнения, как армейских частей, так и речных флотилий. Но теперь война закончилась, а всю эту массу надо было одевать, кормить и поить.

Военно-морской историк Назаренко пишет: «Матросы во время Первой мировой войны, а особенно матросы крупных надводных кораблей, находились в совершенно других условиях, по сравнению с солдатами на фронте. Служба матросов крупных кораблей практически не отличалась от службы в мирное время. Участие этих кораблей в боевых действиях было эпизодическим, а потери экипажей – ничтожными по сравнению не только с сухопутной армией, но и с экипажами подводных лодок, тральщиков или эсминцев. Вообще, на малых кораблях, особенно на подводных лодках, служба была, во-первых, значительно напряженнее и опаснее, во-вторых, роль каждого матроса малого корабля в обеспечении его боеспособности была значительно выше, а в-третьих, на тральщике, подводной лодке или миноносце у матросов было гораздо меньше возможностей укрыться от глаз начальства, чтобы обсудить волновавшие их проблемы, поделиться собственными взглядами на происходящее. Служба на малом корабле значительно сильнее сплачивала командный состав и матросов. Наконец, аудитория у нелегального агитатора на крупном корабле всегда шире, чем на небольшом, поэтому даже один – два члена революционной группы способны создать там ячейку сторонников и организовать выступление, пример чему – восстание на броненосце «Потемкин». На крупных кораблях для матросов прибавлялось еще несколько важных раздражителей. Это полное отсут-

ствие возможности выделиться, совершить подвиг, получить медаль, крест или, как высшую награду, производство в офицеры, так как в «полноценные» строевые офицеры невозможно было попасть из-за существовавшего сословно-образовательного барьера, который после Февральской революции сменился образовательным. В сухопутной же армии даже в царское время было законным производство нижнего чина в офицеры за боевые заслуги, при отсутствии образовательного ценза (предъявлялось только требование самой элементарной грамотности). Многолетняя монотонная служба была, пожалуй, основным источником недовольства моряков. Ведь подавляющее большинство экипажей линкоров прослужило к 1917 году от 4 до 8 лет, и нетрудно посчитать, насколько увеличились их сроки службы к 1921 году» В начале 1921 года Кронштадт являлся не только единственной базой Балтийского флота, но и морской крепости, защищающей Петрограда. Поэтому на острове помимо кораблей, дислоцировался постоянный гарнизон: 560-й стрелковый полк, Кронштадтский отдельный стрелковый полк, сводный отряд, Отряд главного минного начальника, Отряд главного артиллерийского начальника, Рабоче-инженерный батальон, учебно-минный и учебно-артиллерийский отряды, минная школа, транспортный обоз, штрафная рота крепости, пожарная охрана, а также многочисленные транспортные, ремонтные, санитарные, хозяйственные и многие другие учреждения и подразделения, а также многочисленные штабные учреждения. Помимо штаба крепости и политотдела здесь находились также особый отдел Балтфлота, ревтрибунал, партийная школа и т. д. Общая численность корабельных команд, военных моряков береговых частей, вспомогательных подразделений, а также сухопутных войск, дислоцированных в Кронштадте и на его фортах, составляла в начале 1921 года 27 тысяч человек.

Проверявший Балтийский флот в декабре 1920 года начальник 1-го спецотдела ВЧК В. Фельдман докладывал: «Усталость массы Балтфлота, вызванная интенсивностью политической жизни и экономическими неурядицами, усугубленная необходимостью выкачивания из этой массы наиболее стойкого, закаленного в революционной борьбе элемента, с одной стороны, и разбавлением остатков этих элементов новым аморальным, политически отсталым добавлением, а порой и прямо политически неблагонадежным – с другой, изменила до некоторой степени в сторону ухудшения политическую физиономию Балтфлота. Лейтмотивом является жажда отдыха, надежда на демобилизацию в связи с окончанием войны и на улучшение материального и морального состояния, с достижением этих желаний по линии наименьшего сопротивления. Все, что мешает достижению этих желаний масс или удлиняет путь к ним, вызывает недовольство».

Но к весне 1921 года большая часть революционных матросов окончательно разочаровались в большевиках. Кронштадтцы уже открыто на митингах и собраниях обвиняли большевиков в предательстве идеалов Октябрьской революции, в отступлении от своих первоначальных лозунгов, в узурпации власти и установлении «комиссародержавия». Именно так матросы Кронштадта именовали новую большевистскую бюрократию, заменившую собой прежнюю элиту: чекистов, комиссаров, разного рода управленцев. Поэтому главным требованием кронштадтцев было возвращение революции к ее октябрьским истокам. Костяком антибольшевистской оппозиции стали именно команды линкоров «Петропавловск» и «Севастополь» старослужащие матросы которых, активно участвовали в событиях 1917 года. На «Петропавловске» служило на тот момент более тысячи матросов царских призывов и только две сотни призванных в революционное время. Такое же соотношение было и на «Севастополе».

Следует отметить, что в годы Гражданской войны продовольствием Балтийский флот снабжался намного лучше, чем Красная армия. Помимо положенных продуктов, находившиеся на фронтах матросы присылали кронштадтской братве составы реквизированного продовольствия, а нередко кронштадтские матросы и сами отправлялись в продовольственные экспедиции. Однако к исходу гражданской войны не могло не сказаться в конце концов и на обеспечении моряков. Но в течение января-февраля 1921 года продовольственное снабжение

Кронштадта серьезно ухудшилось. В донесениях командиров и комиссаров частей и кораблей стали появляться сообщения о недостаточной выдаче продовольствия. Не загромождая изложение отдельными частными примерами, приведем некоторые обобщающие данные. Из политического доклада Политуправления Балтийского флота за первую половину февраля говорилось: «Дело снабжения продовольствием неудовлетворительное: поступления продовольствия самые незначительные ввиду временного приостановления железнодорожного движения на Юге и в других районах Республики, откуда поступало продовольствие. Если положение с транспортом и с топливом в ближайшие дни не улучшится, то существующую теперь норму придется сократить до минимума, ибо наличие в складах продбазы рыбы, мяса, муки и др. продуктов позволяет нам существовать не далее, как до 5 марта, то есть только 20 дней. С крупной дело обстоит, по-прежнему, плохо, так как таковая совершенно за последнее время не поступает...»

Из доклада Политического управления за вторую половину февраля: «Продовольственный вопрос за последнее время обстоит весьма неудовлетворительно: муки, крупы и пр. продуктов всего-навсего на несколько дней, поступления же крайне скудны, а прибегать к сокращению пайка было невозможно в связи с разыгравшимися в Петрограде событиями (волнениями рабочих – В.Ш.)».

Не миновал Балтийский флот и топливный кризис, разразившийся в стране. Из донесения командования Кронштадтской крепости в январе 1921 года: «Комиссар по топливу указывает, что порт находится в критическом положении с топливом. Дрова подходят к концу, надежды на прибытие мало. Из Ораниенбаумской железной дороги по льду едва ли удастся провезти при ежедневной перемене температуры. Около 100 кубов имеется еще в баржах, которые совершенно вмерзли, отчего работа по выгрузке подвигается слишком медленно, и, кроме того, рабочие плохо одеты и обуты, питание неудовлетворительное».

Не способствовало улучшению ситуации в Кронштадте, перевод туда из Петрограда двух линкоров «Петропавловск» и «Севастополь». Это вызвало огромное недовольство матросов этих линкоров, так как в Питере жизнь легче и веселей».

Историк С.Н. Семанов пишет: «Тяжелые материальные условия, в которых находился зимой 1920/21 г. Балтийский флот, вызывали быструю усталость, утомление личного состава, особенно там, где некоторые моряки служили уже по многу лет. Не случайно в донесениях того времени так часто встречается это слово – «усталость». Вот только лишь один доклад в политотдел Балтфлота (январь 1921 г.): эсминец «Всадник» – «заметна усталость»; линкор «Севастополь» – «наблюдается усталость и тяга на родину старших годов, подлежащих увольнению»; линкор «Андрей Первозванный» – «заметна усталость. Были случаи самовольных отлучек в Петроград»».

Рванувшись в революцию в феврале 1917 года, они до 1921 года все время были на ее переднем крае: воевали с Временным правительством, Корниловым и Красновым. Осуществляли октябрьский переворот, потов дрались на всех фронтах молодой республики. Но такое напряжение не могло продолжаться бесконечно. «Лейтмотивом (матросов – В.Ш.) является жажда отдыха, надежда на демобилизацию в связи с окончанием войны и на улучшение материального и морального состояния, с достижением этих желаний по линии наименьшего сопротивления. Все, что мешает достижению этих желаний масс или удлиняет путь к ним, вызывает недовольство», – писал в декабре 1920 года в Особый отдел ВЧК начальник специального отдела ВЧК Фельдман о настроениях матросов Балтики.

В политический отдел Балтийского флота от матросов и солдат Кронштадтского гарнизона шел поток жалоб, о тяжелом положении их родственников в селах и деревнях, о несправедливости продразверсток и необходимости их отмены. Кто-то просто жаловался в надежде на помощь, кто-то требовал немедленной отмены продразверстки, а кто-то и угрожал взяться за оружие. Особенно много жалоб было от матросов, вернувшихся из отпусков. И с каждым

днем тон этих писем становился все жестче. Из донесения комиссара Кронштадтской крепости «За последнее время участились жалобы красноармейцев на неправильные действия местных советских властей, больше всего за неправильную реализацию продовольствия и т. п.»

Авиагруппа, собранная в Ораниенбауме для бомбардировки Кронштадта

В феврале сообщения комиссаров о проявлениях недовольства продовольственной разверсткой на кораблях и в береговых частях Кронштадта становятся почти повсеместными. Относительно личного состава Кронштадтской крепости Побалтом было сделано следующее общее заключение: «В частях крепости, несущих гарнизонную службу, чувствуется усталость. Волнующие вопросы: неправильная разверстка хлеба на местах, необеспеченность семей, недостаток обуви и др.»

Недовольство продразверсткой высказывали не только матросы Кронштадта, но и всего Балтийского флота. Так в феврале в Побалт поступали донесения о жалобах «на неправильные действия провинциальных властей и неправильную реквизицию хлеба» с кораблей, стоявших в Петрограде, в т. ч. с эсминцев «Победитель», «Внушительный», «Гарибальди», «Инженер-механик Дмитриев», подводных лодок «Волк», «Тур», «Леопард» и других кораблей.

Подобные настроения отмечались среди частей Укрепленного берегового района южного побережья Финского залива, в морской воздушной авиации, дислоцированных в районе Ораниенбаума. Из политического доклада Побалта за вторую половину февраля: «В частях... отмечается большое недовольство действиями местных властей на родине; прибывшие из отпусков рассказывают о несправедливостях на местах и этим подрывают боевой дух и настроение беспартийной массы». Недовольство матросов и красноармейцев отражало настроения крестьянства.

Следует отметить и то, что в отличие от армии, где за годы Гражданской войны выросла плеяда «своих» красных командиров из низов, на Балтийском флоте командный состав на кораблях и фортах по-прежнему почти полностью состоял из бывших офицеров, которые не забыли ни пережитого террора, ни унижений. Из воспоминаний комиссара Балтийского флота М. Кузьмин: «Все они (бывшие офицеры – В.Ш.) были между собой спаяны, среди них была

своя дисциплина. Жили замкнуто... В кают-компаниях они были хозяева, коммунистических сил там совершенно не было».

Чрезвычайно нервировала моряков и задержка с демобилизацией, особенно старослужащих. А их настроение передавалось молодым матросам. Некомплект же личного состава в частях и на кораблях приводил к дополнительным нагрузкам. Все это крайне отрицательно сказывалось на дисциплине. Процветало дезертирство. Ежемесячно дезертировало до четырехсот матросов и солдат. Командиры (из бывших офицеров) старались вообще лишний раз матросов не трогать. Старослужащие матросы жили большей частью вообще на частных квартирах, а на службы у приходили по желанию. Процветало воровства, картежной игры, самовольных отлучек.

В предыдущих главах мы уже подробно писали о крайне жестокой и не совсем удачной попытке Л.Д. Троцкого покончить с наиболее активной массой революционных матросов – собрать их всех в одном месте и уничтожить руками белогвардейцев. В этом по-настоящему дьявольском плане весь Троцкий – жестокий, циничный и абсолютно аморальный. Именно по его приказу со всей России были собраны в Морскую экспедиционную дивизию многочисленные отряды, а затем брошены на убой под Мариуполь. План Троцкого практически удался: дивизия была фактически уничтожена, а большая часть матросов вырублена белоказаками. Более того, именно оставшиеся в живых разъяренные матросы, проявили себя наиболее беспощадными карателями, уничтожая оставшихся в Крыму осенью 1920 года белогвардейцев и им сочувствующих. Но в главном Троцкий просчитался. Он явно недооценил революционных матросов, полагая, что те не поймут и не узнают, кто и зачем бросил их на убой под Мариуполь! Матросы все поняли и все узнали! А потому, беспощадно расправившись с белогвардейцами в Крыму, они зимой 1920–1921 года несколькими эшелонами двинулись в Кронштадт, чтобы уже там начать разборки с Троцким и другими большевистскими руководителями.

Отметим, что к злости за преднамеренную гибель своих товарищей под Мариуполем, у возвращавшихся в Кронштадт с юга матросов была еще одна серьезная претензия к большевикам – их расправа с движением батьки Махно. Отметим, что большая часть возвращавшихся в Кронштадт матросов сами прошли через армию Махно и служению идеям коммунистического анархизма. Они прекрасно помнили, как в 1919 году именно анархисты Махно, ударив в тыл армии Деникина, спасли от падения Москву, как именно анархисты Махно, помогая Красной армии, в Чангарско-Перекопской операции в ноябре 1920 года, во встречном сражении перемололи последний резерв Врангеля – конный корпус генерала Барбовича, а затем были предательски расстреляны из пулеметов своими союзниками-большевиками...

Учитывая, что идеи анархизма всегда были ближе матросским сердцам, чем идеи большевизма, можно понять, что с прибытием в Кронштадт прошедшей школу махновщины «Братвы», маятник политического предпочтения там окончательно склонился в сторону анархистов. Дело в том, что в украинский степях весной 1921 года еще шли кровопролитные бои Красной армии с отрядами Махно и кронштадтские матросы не только всей душой переживали за исход этих боев, но, вполне предсказуемо, возлагали надежды на будущее объединение с махновцами для совместной борьбы за идеалы революции и анархокоммунизма.

Несколько забегаая вперед, отметим, что и в дальнейшем, в ходе самого восстания, роль махновской идеологии имела тенденцию к усилению. Так, комиссар военмор Н.И. Фролов, участник первого наступления на Кронштадт, докладывая по результатам наступления (в основном по сообщениям перебежчиков), писал: «Всех обитателей Кронштадта можно разбить на три категории: 1) Махновцы-хулиганы (большинство, действительно, находились у Махно). 2) Офицерство (определенная белогвардейщина), прикрывающаяся под маской «выборности советов», держится пока в тени, незаметна для масс. 3) Все те, которые не примкнули к 1-й и 2-й категориям, находятся между ними».

Из воспоминаний адмирала Г.И. Левченко: «В связи с уходом на фронты Гражданской войны лучших матросов флота – выходцев из рабочих, на кораблях осталось мало политически сознательных матросов. Пополнение экипажей проводилось значительной частью за счет крестьянства южных губерний, среди которых было много недовольных Советской властью, в частности, вследствие изъятия у них излишков хлеба по системе продразверстки. Кроме того, на флот проникло много деклассированных элементов и бывших махновцев. Партийная организация на флоте была ослаблена. Все это создавало условия для контрреволюционной деятельности эсеров, меньшевиков и анархистов. Среди матросов тоже были такие деятели». Качественные изменения в личном составе моряков усугублялись тем, что длительное время Балтийский флот стоял на приколе. Корабли превращались в плавучие казармы, где расцветали кичливость и демагогия. И это не удивительно, так как на бездействующем флоте стремились задержаться именно те, кто искал более или менее спокойного прибежища в разгоревшейся классовой борьбе либо просто выжидал хода событий. Немало людей задерживалось на флоте с одной лишь целью – носить, почетные и романтические клеши и тельняшку. Матросы подобного типа получили презрительную кличку «Иван-мор». Их было немало. Как раз накануне кронштадтского мятежа в газете «Красный Балтийский флот» появилось стихотворение некоего Н. Корнова под названием «Иван-мор». Стихи весьма несовершенны, однако написаны чрезвычайно искренне и направлены против тех, кого автор назвал «лежнями»:

*Был в пехоте водоносом,
Теперь служит он матросом,
Пол-аршинный носит клеши
И твердит всегда: «даешь!»*

*А работать для него —
Хуже нету ничего.
Он с утра до ночи спит,
Ночью к бабе он спешит.*

Описанный типаж имел отнюдь не только бытовой, а отчетливо выраженный социальный характер. Многочисленные приверженцы анархистов на флоте к 1920 году воспринимали все меры по укреплению дисциплины, как крен в сторону царской палочной дисциплины, а упразднение судовых комитетов, да еще проводимое в качестве мер по ликвидации отставания от Красной Армии (до сих пор Красный Флот считался передовым во всех вопросах), как потерю завоёванных революцией свобод. Возник также вопрос о потере матросами материальных благ, приобретенных ими в результате революции. И насаждение дисциплины, и сокращение норм снабжения воспринимались значительной частью матросской массы как игнорирование большевиками их революционных заслуг. Однако процесс ликвидации политических и экономических «революционных привилегий» матросов велся с позиций интересов революции, с позиций коммунистического равенства. Это особенно отражала вводимая с начала 1919 г. политика «военного коммунизма». Она болезненно воспринималась многими матросами, занимавшимися разного рода спекуляциями. Причем, матросы испытывали серьезный нравственный дискомфорт, поскольку интересы революции все же у них стояли во главе угла, но и своего хлебного бизнеса им тоже было жаль. Большевицкая печать начиная с 1919 года чутко реагировала на слухи о распространенности сочувствия матросов противникам большевиков, но все же вынуждена была констатировать факты, свидетельствующие о том, что среди матросов считать себя сочувствующими большевикам, стало не принято. Матросы, даже при знакомствах с «барышнями», считали выгодным подчеркивать свой небольшевизм, а при столкновениях мешочников с красноармейцами из заградотрядов могли принять сторону пер-

вых. Матросы могли демонстративно уйти с поста, где расстреливали арестованных офицеров. Такой случай произошел в Пензе. Тогда же образ матроса – сторонника Октября, и в то же время не сторонника большевиков, стал подгоняться под образ «матроса-клевшика». Этот матрос большевистской печатью в тот период рассматривался, как «пришлый» после Октябрьской революции элемент и противопоставлялся «сознательным матросам» образца 1917 года. Но дело было не в сроках службы. Молодые матросы на флоте в основном всегда шли за старослужащими. Они чувствовали неприязнь старослужащих к установленным большевиками порядкам, их накопившиеся обиды на власть и выражали протест этим порядкам вычурной «свободолюбивой» формой одежды, подчеркнутой аполитичностью и т. п. В свою очередь комиссары и коммунисты, борющиеся за сознание матросской массы, чувствовали политическую подоплёку в поведении «клевшиков» и потому пытались подавить всякие проявления такого поведения. Но это скорее только подпитывало «клевшичество», как чаще всего и бывает в результате применения насильственных мер в сфере морали. Комиссары, натолкнувшись в своих усилиях по повышению боеспособности флота на сопротивление команд в виде «клевшичества», а также не желая видеть причины военных неудач в собственной военной некомпетентности (что особенно проявилось в ходе декабрьской ревельской операции), стали склоняться к «переводу стрелок» недовольства на военспецов. Они стали меньше защищать их от команд, а иной раз и сами выдавать их командам в качестве ответственных за разного рода возникавшие текущие проблемы на флоте. При этом часть комиссаров отказывалась менять свою матросскую форму одежды, в то же время стала частично признавать недостатки в собственной среде и использовать другие меры в целях отвода от себя матросского недовольства.

В результате к 1921 году весьма распространенным стал тип матроса со сложным обыденным сознанием, который был в реальности весьма далек от распространенных примитивных исторических схем «революционного матроса». Политические пристрастия при таком сознании в зависимости от складывающихся обстоятельств, могли проявляться в самом широком диапазоне: и в виде «ярого» коммуниста, и в виде ярого анархиста, и в виде ярого демократа, и даже в виде ярого белогвардейца (что вскоре особенно показал «мятеж Красной Горки»). Этот тип матроса имел уже опыт борьбы с большевизмом и готовность к этой борьбе в условиях красного террора. Но эта готовность ещё была далека до подлинного демократизма, проявленного в Кронштадтском восстании марта 1921 г. Она могла дойти до союза с белым движением (хотя здесь сразу возникали проблемы адаптации со средой, менее всех других способной принять прежние «революционные заслуги» матросов), но не вопреки революционной левацкой закваске, а благодаря ей, не вопреки участию в убийствах офицеров в Февральской революции и большевистском Октябре, а из-за этого участия. Этому типу близок тип, описанный З.Н. Гиппиус на примере знакомого ей матроса И. Пугачева: «Революционный деятель» в марте, над рассуждениями которого я умилялась, усмиритель апреля и июля, сметливый, хитрый, по сю пору верный нашей кухне (в том смысле, что любит забежать в неё похвастаться). Теперь он форменный мародёр самого ловкого типа. Шатался по всей России, по Украине, даже залезал в Австрию, всегда был в «тех», кто побеждал, орудовал, прожженный на всём, спекулировал, продавал этих тем, а тех сызнава этим. Говорит без конца, по какой-то своей логике, целует у меня руку (как у «дамы»), ходит в богатейшей шубе, живет в 25 комнатах, ездит на своей лошади (когда не путешествует), притом клянется, что не «большевик» и не «коммунист», и я ему в этом верю». З.Н. Гиппиус здесь, конечно, пристрастна. В написанном портрете явный перебор насчет «25 комнат». Но антибольшевизм, как следствие левой революционности, в нем отражен. Примечательно, что З.Н. Гиппиус считала нарисовать портрет И. Пугачева более важным, чем свою знаменитую, подробно проанализированную во многих публикациях встречу в трамвае с А. Блоком, которую она привела «кстати» с анализом прошлого после описания встречи с матросом И. Пугачевым».

Ярким признаком матросского недовольства был массовый выход из РКП(б) в конце 1920 начале 1921 годов старослужащих матросов, особенно тех, кто, после отпусков вернулся в Кронштадт. Именно они и принесли из деревни массовое недовольство крестьян политической большевиков и лозунг: «Советы без коммунистов». Совершенно неслучайно именно в начале 1921 года начался и массовый выход матросов из партии большевиков. Не помогли и так называемые «партийные недели», когда в большевики принимали, чуть ли не коллективно. Например, на линкоре «Петропавловск» накануне мятежа число коммунистов едва достигало двух сотен человек из почти полуторатысячной команды. При этом настоящих идейных среди них было и того меньше. А ведь членство в партии предполагало им в ближайшем будущем, при демобилизации, хорошие должности и безбедную жизнь на родине. Но нем смотря на это матросы начали массово выбрасывать партийные билеты, которые по отзывам современников валялись прямо на улицах Кронштадта. Только в январе 1921 года из РКП(б) вышло 5 тысяч кронштадтских матросов. При этом количество большевиков в Кронштадте сократилось вдвое.

Глава вторая

Кронштадтская побудка

28 февраля 1921 года в Кронштадте на городском митинге 14 тысяч матросов и рабочих впервые открыто выступили против власти коммунистов, приняв резолюцию, которая требовала вернуть гражданские свободы, признать оппозиционные левые политические партии, а также провести новые выборы в Советы.

РЕЗОЛЮЦИЯ

Общего собрания команд 1-й и 2-й бригад линейных кораблей состоялось 1 марта 1921 г. заслушав доклад представителей команд посылаемых общим собранием команды с кораблей в гор. Петроград для выяснения дела в Петрограде.

ПО С Т А Н О В И Л И:

- 1) Ввиду того, что настоящие советы не выражают волю рабочих и крестьян, немедленно сделать пере выборы советов тайным голосованием, причем перед выборами провести свободную предварительную агитацию всех рабочих и крестьян.
  - 2) Свободу слова и печати для рабочих и крестьян, анархистов и левых социалистических партий.
  - 3) Свободу собраний и профессиональных союзов и крестьянских объединений.
  - 4) Собрать не позднее 10 марта 1921 г. беспартийную конференцию рабочих, красноармейцев и матросов гор. Петрограда, Кронштадта и Петроградской губернии.
  - 5) Освободить всех политических заключенных социалистических партий, а также всех рабочих и крестьян, красноармейцев и матросов заключенных в связи с рабочими и крестьянскими движениями.
  - 6) Выбрать комиссию для пересмотра дел заключенных в тюрьмах и концентрационных лагерях.
  - 7) Упразднить всеякие ПОЛИТОТДЕЛЫ, так как ни одна партия не может пользоваться привилегиями для пропаганды своих идей и получать от государства средства для этой цели. Вместо них должны быть учреждены: с мест выбраны Культурно-Просветительские комиссии, для которых средства должны отпускаться государством.
  - 8) Немедленно снять все заградительные отряды.
  - 9) Уравнять наек для всех трудящихся, за исключением вредных цехов.
  - 10) Упразднить коммунистические боевые отряды во всех воинских частях, а также на фабриках и заводах разные дежурства со стороны коммунистов, а если таковые дежурства или отряды понадобятся, то можно назначать в воинских частях с рот, а на фабриках и заводах по усмотрению рабочих.
  - 11) Дать полное право действия крестьянам над всею землею, так как, им желательно, а также иметь скот, который содержать должен и управлять своими силами, т. е. не пользуясь наемным трудом.
  - 12) Просим все воинские части, а также товарищей военных курсантов присоединиться к нашей резолюции.
  - 13) Требуем, чтобы все резолюции были широко оглашены печатью.
  - 14) Назначать разъездное бюро для контроля.
  - 15) Разрешить свободное кустарное производство собственным трудом.
- Резолюция принята бригадным собранием единогласно при 2-х воздержавшихся.

Председатель Бригадного Собрания **Петриченко.**

Секретарь - **Чернецкий.**

Резолюция принята подавляющим большинством всего Кронштадтского гарнизона.

Резолюция была оглашена на общегородском митинге, 1-го марта в присутствии около 16.000 граждан и принята единогласно.

Председатель Кронштадтского Исполкома **Васильев.**

Вместе с тов. **Калининым** голосуют против резолюция **Васильев** и комиссар Балтфлота **Кузьмин**

1 марта на Якорной площади Кронштадта снова собралось более 15 тысяч человек. На митинг прибыл председатель ВЦИК М.И. Калинин. Матросы встретили Калинина аплодисментами. Калинин уже знал, что вчера на собрании команды линкора «Петропавловск» была принята резолюция за перевыборы в Советы без коммунистов и за свободу торговли. Эту резолюцию поддержала команда линкора – «Севастополь» и весь гарнизон крепости.

Едва Калинин начал выступать с большевистских позиций, его сразу начали освистывать. Затем его под улюлюканье толпы его согнали с трибуны.

Из воспоминаний матроса В.С. Бусыгина: «Калинин «разошелся» и с кем-то поругался с трибуны! Он, видимо, был возбужден питерскими событиями. На митинге собрались и граждане города, и матросы с кораблей, и коммунисты. А условия для митинга на Якорной площади были не очень благоприятные: кто-то читал, кто-то говорил... Кузьмин призывал матросов к порядку, Калинин заявил: «С хлебом в стране плохо, так не вздумайте и вы требовать хлеба. А если...» Кто-то из гражданских крикнул: «Вы нам хлеба дайте!» И тогда Калинин, «комиссар по панике», не будучи проницательным политиком, истерически рявкнул: «Вы кро-о-ви хотите?.. Так кровь будет!» Такие фразы были неуместны. После своей речи Калинин спустился с трибуны, сел в санки и благополучно укатил на рысаке с женой обратно в Питер. Никто их не задерживал. После отъезда Калинина сложилась конфликтная ситуация. Люди были ошарашены такой речью. Тут кто-то предложил проект резолюции. Возглас: «Все за резолюцию?» Выкрики: «Все!» Резолюция была принята. Обсуждать ее было некогда. Площадь опустела... Все руководство, включая ЧК, организовано сбежало с острова в Ораниенбаум в первый же день неразберихи. События принимали трагический оборот».

Воспоминания матроса И.А. Ермолаева В конце февраля 1921 года в Кронштадт приехал Михаил Иванович Калинин, и 1 марта состоялся общегарнизонный митинг в манеже. Начался он около 10 утра. Открыв митинг, комиссар флота Кузьмин предоставил слово Калинину, которого весь манеж встретил бурными аплодисментами. Все ждали, что он хоть что-нибудь скажет о том, как намечается улучшить положение крестьян, а Калинин начал выступление с восхваления подвигов и заслуг кронштадтских моряков и солдат в революции, говорил о победах на фронтах гражданской войны, о достижениях Советской власти на хозяйственном фронте, о переживаемых страной трудностях. В зале манежа раздались громкие реплики: «Хватит красивых слов! Скажи лучше, когда покончите с продрозверсткой? Когда снимете продотряды?» Выкрики с разных мест звучали внушительно. Оценив обстановку, Калинин, комиссар флота Кузьмин и председатель горсовета Васильев с трибуны обратились с предложением провести митинг раздельно среди моряков и среди красноармейцев, мотивируя тем, что манеж не вмещает всех желающих. Этот маневр масса не поддержала, моряки предложили перенести митинг на Якорную площадь, куда и двинулся народ. Для охраны митинга были вызваны два отряда с линейных кораблей «Севастополь» и «Петропавловск». Когда на трибуне появился Калинин, его и здесь встретили аплодисментами, ждали, что он скажет. Но, когда он опять стал говорить о заслугах моряков, о достижениях и трудностях Советской страны, снова раздались возгласы: «Хватит похвал! Скажи, когда отменят продрозверстку? Когда перестанут душить мужика?» Калинин пытался как-то оправдать продрозверстку, но тут на трибуну поднялся широкоплечий немолодой матрос и громко крикнул: «Хватит хвалебной болтовни! Вот наши требования: долой продрозверстку, долой продотряды, даешь свободную торговлю, требуем свободного переизбрания Советов!» Дальше в шуме и выкриках трудно было что-нибудь разобрать в выступлении матроса. В ответ Калинин стал упрекать участников митинга, главным образом, моряков, в том, что они затевают рискованную игру против Советской власти, как азартные игроки, ставят на карту достижения своих предшественников. Затем пошли беспорядочные выступления, сопровождаемые выкриками, среди которых были и «Долой коммунистов!». К концу дня митинг закончился, и мы разошлись по своим частям».

Еще не закончился митинг на Якорной площади, а руководство Кронштадтом руководство Кронштадтом уже фактически перешло в руки заговорщиков. Центр мятежа находился тогда на «Петропавловске». Отсюда уже поступали распоряжения и приказы. К вечеру у Петроградских ворот (откуда шла по льду дорога в сторону Ораниенбаума) был выставлен караул матросов с «Петропавловска». П прежний караул был разогнан силой. Это была стратегическая точка города-крепости, ибо отсюда шла по льду дорога в сторону Ораниенбаума. Часть матросов хотела задержать М.И. Калинина в качестве заложника, но большинство выступили против этого. 1 марта была выпущена резолюция о поддержке рабочих Петрограда, с лозунгом «Вся власть Советам, а не коммунистам». Потребовали освобождения из заключения, всех представителей социалистических партий, проведения перевыборов Советов и, исключения из них всех коммунистов, предоставления свободы слова, собраний и союзов всем партиям, обеспечения свободы торговли, разрешения кустарного производства собственным трудом, разрешения крестьянам свободно пользоваться своей землёй и распоряжаться продуктами своего хозяйства, то есть ликвидации продовольственной диктатуры.

В своих воспоминаниях участник мятежа матрос И.А. Ермолаев впоследствии писал, что 2 марта в Кронштадте было сравнительно спокойно. К нашему удивлению, власти никаких репрессивных мер не принимали, а мы все с нетерпением ждали после отъезда Калинина на материк, какой отклик в стране вызвал митинг на Якорной площади, что ответит правительство на наши требования.

С утра 2 марта во всех частях, учреждениях и на кораблях Кронштадта происходили выборы представителей на делегатское собрание, которое должно было открыться в тот же день. Выборы вызвали споры и проходили бурно.

В час дня 2 марта в Инженерном училище собралось более 300 делегатов. Открывал делегатское собрание писарь с «Петропавловска» С.М. Петриченко. В президиум вошло пять человек, причем среди них не было ни одного коммуниста.

Первым выступил комиссар Балтфлота Н.Н. Кузьмин. Он сказал: «У нас, конечно, есть много недостатков, боль, причиненная войной, недостатки, которые есть следствие того, что крестьяне и рабочие не учились раньше управлять, им приходится наспех строить государственный аппарат. Но помните, что Кронштадт со всеми своими кораблями, с орудиями, как бы грозны они ни были, есть только точка на карте Советской России. Помните это, помните, что можно говорить о своих нуждах, о том, что там-то нужно исправить, но исправлять – не значит идти на восстание». Однако речь Кузьмина не нашла никакого понимания у делегатов. Тут же в зале Инженерного училища Н.Н. Кузьмин был арестован и его под конвоем направили на «Петропавловск».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.